

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

нии мира и людей.

---

1. Перевод на русский язык см.: Е.И.Кычанов. "Крупинки золота на ладони" – пособие для изучения тангутской письменности. – Мандарин и стили литератур Китая и Кореи, М., Наука, 1969, с. 213–222. Описание см.: Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии. Составители З.И.Горбачева и Е.И.Кычанов. М., ИВЛ, 1963, с. 56.
2. Описание см.: Тангутские рукописи и ксилографы, с. 57. Автор данного сообщения работает над полным переводом оставшихся фрагментов этой книги.
3. См. Е.И.Кычанов. Гимн священным предкам тангутов. – Письменные памятники Востока, 1968. М., Наука, 1970, с. 217–231.

К.Г.Маранджян

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯПОНСКОГО КОНФУЦИАНСТВА (на материале трактатов Огъи Сорай)

История японской культуры знает несколько периодов, бурное развитие которых было стимулировано китайским влиянием. Одним из таких периодов можно назвать эпоху Токугава (1603–1868), в интеллектуальной жизни которой важное место занимало конфуцианство – исконно китайское учение. Согласно японской традиции введение конфуцианства в Японию относится к III в. н.э. На протяжении истории конфуцианство сосуществовало с буддизмом и синтоизмом, то находясь на втором плане, то получая сравнительно широкое распространение. С приходом в власти дома Токугава конфуцианство (точнее неоконфуцианское чжусианское учение) было провозглашено официальной идеологией, определявшей общественную жизнь страны.

Как отмечают современные исследователи, японскую культуру характеризует способность усваивать элементы иной культуры, обогащая и обновляя, таким образом, основной культурный фонд.¹ Именно с этих позиций целесообразно рассмотреть вопрос о том, существовали ли различия между китайским и японским вариантами конфуцианства, в чем они заключались. Ведь "если установить, какой характер приобрели важнейшие китайские учения на японской почве, можно узнать состав самой почвы".²

Проблема неадекватности конфуцианских учений Японии и Китая

в современной науке находится в стадии разработки, многие исследователи отмечают неполную тождественность этих вариантов конфуцианства.³ Различия выводятся из особенностей социально-экономического развития двух стран, из специфики духовной культуры Японии и Китая. Говоря о взаимодействии элементов китайской культуры, т.е. конфуцианства, с элементами японской культуры, термином "элементы японской культуры" мы обозначим исконно японское синтоистское вероучение, взаимодействие с которым во многом определило своеобразие японского конфуцианства. Дело в том, что, во-первых, в VIII в. активизировалась деятельность синтоистов, стремившихся включить в синтоистское учение многие положения конфуцианства.⁴ Во-вторых, одной из актуальных проблем для мыслителей Токугава был вопрос о соотношении конфуцианства и синто. Большинство конфуцианских учений стремилось отождествить китайское "дао" с синтоистским "путем богов". Представитель чжусианской школы Фудзивара Сэйка (1561-1619) пытался привести в соответствие конфуцианство с догмами синто об универсальности японских богов.⁵ Его ученик, Хаяси Радзан (1583-1657) писал: "Путь богов [синто] - это Ли [принцип]",⁶ приравнивая синто к конфуцианскому идеальному принципу Ли, лежащему в основе мироздания. Он одним из первых в Токугавской Японии стал уподоблять три синтоистских регалии императорской власти трем добродетелям: мудрости, искренности и мужеству, позаимствовав этот принцип у японского ученого XIV в. Китабатакэ Тикафуса. Еще один представитель чжусианской школы Ямадзаки Ансай (1618-1682) считал, что конфуцианский принцип Ли - это японское синтоистское божество Кунитокотати-но микото, являющееся родоначальником семи поколений богов. Ямадзаки Ансай принадлежит заслуга создания учения "суйка синто", в котором конфуцианство использовалось для обновления синтоизма. Приверженец школы Ван Янмина Кумадзава Бандзан (1619-1691) писал: "Китайское дао совершенно мудрых, японский путь богов и людей - это путь богов Неба и Земли".⁷ Итак, представители различных направлений мысли в той или иной мере затрагивали проблемы соотношения конфуцианства и синтоизма. В одних случаях, синтоистские идеи включались в конфуцианский комплекс, в других наоборот - некоторые конфуцианские положения входили в теорию синтоизма.

Теперь рассмотрим, как же решалась эта проблема в учении школы "когаку" (школы древнего конфуцианства), прежде всего в творчестве одного из основателей "когаку" Огё Сорай (1666-1728). Огё Сорай считался блестящим знатоком китайского языка и литературы, он был воспитан на китайской культуре. Это был синофил в лучшем смысле этого слова, поэтому особенно интересно выяснить, каково было

его отношение к синтоизму. Соображения мыслителя по этому поводу изложены им в социально-политическом трактате "Тайхэйсаку" (Политика умиротворения) и в предисловии к комментированному Курода Наокуни (1666-1735) памятнику "Кодзики" (Сказания о древности). Знаменательно, что Огё Сорай, посвятивший свою жизнь изучению китайской культуры, пишет предисловие к сборнику древних японских мифов и сказаний, который по традиции приписывает кисти принца Сётоку-тайси, жившего в начале III в.⁸ Здесь Огё Сорай пишет, что в Японии дао передают приверженцы Урабэ синто, Имбэ синто и конфуцианцы.⁹ Урабэ синто представляло собой синтоистское учение, которое включало элементы буддийской и конфуцианской мысли. Имбэ синто также характеризует наличие многих конфуцианских идей. По словам Огё Сорай, "то, что в нашей стране именуется "путь богов", ... это и есть древнее дао Яо, Шуня и трех династий".¹⁰ Как и большинство токугавских конфуцианцев, Огё Сорай признает значимость японского вероучения синто, отождествляя "путь богов" с основным конфуцианским понятием дао. В нашу задачу не входит подробное освещение вопроса о том, что Огё Сорай понимал под синто, что он отвергал в синтоизме. Важно лишь то, что он решал проблему соотношения синтоизма и конфуцианства, допуская их совмещение и внутреннее единство. Актуальность вопроса о связи синтоизма и конфуцианства - это только один, внешний аспект проблемы. Хочется высказать несколько соображений, касающихся глубинной связи японского конфуцианства с синтоистскими идеями. Эти замечания носят предварительный характер и высказываются в качестве гипотезы. Рассуждения ведутся на материале сочинений Огё Сорай.

Первая особенность философской концепции Огё Сорай заключается в его тезисе о "сотворенности" дао (оно создано совершенномудрьюми). В истории китайской мысли вопрос о том, кто создал дао, не решался, подобная формулировка была невозможна, т.к. дао понималось как естественная, вечная сущность. Японский мыслитель под дао понимал дао общества, что для него было синонимично понятию дао вообще. По мнению Огё Сорай, мир природы недоступен для человека, он непознаваем, а его закономерности носят название дао лишь по аналогии с общественным дао. В истории китайской мысли идея о специфичности общественного дао высказывались неоднократно, однако акцент на сотворенности дао не был присущ китайским ученым. В Японии к этому вопросу вплотную подошел современник Огё Сорай Ито Дзинсай (1627-1705), который, как считает японский исследователь Ёсикава Кбдзирб, сознательно избегал его решения.¹¹ Поэтому особый акцент на идею сотворенности дао был свойственен не одному

Огү Сорай. По-видимому, одним из объяснений этой особенности философской концепции мыслителя может послужить следующее соображение: согласно японской мифологии, все окружающее человека – творение богов, от которых ведет свое происхождение и сам человек. Как отмечает японский ученый Катō Гэнти, в "синтоизме отсутствует идея сотворения, при объяснении мира природы ключевым понятием выступает идея порождения",¹² т.е. все рождено богами. В китайской мифологии, по мнению Э.М.Яншиной, сотворение мира мыслилось "как процесс превращения в него самого творца",¹³ т.е. как естественный процесс, в то время как идея порождения предполагает неестественный характер в том смысле, что порождению всегда предшествует действие. Оно не может происходить само по себе, для его совершения необходимо приложить некоторое усилие. Может быть, именно такое понимание "начала мира" и обусловило закономерность возникновения в японской философии тезиса о сотворенности дао.

Во-вторых, для концепции Огү Сорай и Ито Дзинсай характерно несвойственное для китайской мысли утверждение о том, что "совершенномудрые – это люди",¹⁴ отличающиеся друг от друга своими индивидуальными особенностями. Им присущи человеческие слабости и недостатки. По-видимому, эту особенность также можно объяснить исходя из того, что в синто не было резкого разграничения человека и ками (божества), ками как и люди могли совершать ошибки, в том числе и весьма неблагоприятные поступки. Кроме того, Огү Сорай неоднократно указывал на необходимость веры в "совершенномудрых", что также сближает их с японскими ками.

В-третьих, в учении Огү Сорай трактовка понятия Неба имеет ярко выраженный религиозный оттенок. Если в китайской мысли Небо понималось как персонифицированная высшая сила (например, в чжусианстве – как идеальный принцип Ли), то в теории Огү Сорай Небо – это глава ста богов. Небо непознаваемо, его надлежит почитать и бояться. По-видимому, представление о Небе как о главе ста богов также сформировалось под влиянием синтоизма, в котором Небо мыслилось как страна богов. Все сказанное вовсе не означает, что Огү Сорай механически перенес некоторые синтоистские идеи в свою философскую концепцию. Шел процесс взаимодействия элементов японской культуры с элементами культуры Китая. Несколько перефразируя слова Н.И.Конрада, относящиеся к древнему своду японских мифов "Кодзюки", можно сказать, что синтоистские мифы "составляли исконное освобожденное от всяких примесей содержание японского национального духа".¹⁵ Поэтому синтоистское мировоззрение не могло не повлиять на развитие японского конфуцианства. Важно отметить, что

это проявлялось не в новых конфуцианских идеях, а в том, что были слегка переставлены акценты, за счет чего многие положения конфуцианства приобрели несколько иное значение, чем в китайском конфуцианстве.

Косвенным подтверждением изложенного может служить и тот факт, что один из крупнейших представителей школы национальной науки (кокугаку) Мотоори Норинага (1730–1801), строивший свое учение на основе синтоизма, перенял многие методологические принципы Огб Сорай. В его концепции синтоизм вобрал в себя многие конфуцианские идеи и понятия, логически завершив, таким образом, процесс взаимодействия синто и конфуцианства.

1. В.Н.Горегляд. Ки-но Цураки. М., 1983, с. 8.
2. Т.П.Григорьева. Один из случаев влияния китайской философии на мировоззрение японцев. – Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972, с. 87.
3. Yoshikawa Kōjirō. Jinsai, Sorai, Morinaga (Three classical philologists of Mid-Tokugawa Japan). Tokyo, 1983.
4. Ватанабэ Хироси. Токугава дзэнки дзюгакуси-но итцдзэкэн (Из истории конфуцианства в период Токугава). – Кокка гаккай дзасси. Токио, 1981, т. 94, № 1–2, с. 37.
5. Я.Б.Радуй-Загуловский. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.–Л., 1947, с. 275.
6. Ватанабэ Хироси, ук.соч., с. 38.
7. Готō Сабурō. Ансай гакуто-но кокутай сисо (Идеология национального духа школы Ансай). Токио, 1941, с. 38.
8. Современная наука датирует памятник IX в.
9. "Огб Сорай" – сер. "Нихон сисо тайкэй" /Японская мысль/, т. 36. Токио, 1974, с. 489.
10. Там же, с. 452.
11. Yoshikawa Kōjirō. Ibid., p. 41.
12. Katō Genchi. A study of shinto, the religion of the japanese nation. Tokyo, 1926, p. 85.
13. Э.М.Яншина. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984, с. 129.
14. "Огб Сорай", с. 218.
15. Н.И.Конрад. Японская литература. М., 1974, с. 115.